

РОДОМ С НЕБА

Евгений Ермолин

В кулуарах современной ярославской словесности Константин Васильев отмечен печатью эффектной, бросающейся в глаза необычности. Начать с внешности. Увидев раз, уже не забудешь эту сухопарую, костистую фигуру в чёрном полумонашеском одеянии. Породистое лицо аристократа времен упадка, птичий профиль, небрежно брошенные на плечи волосы, выражение влажной грусти во взгляде... он живёт свободно, ничем себя не связывая, ведёт себя с полной непринуждённостью, говорит искренне, без малейшей дипломатичности и в целом чем-то сильно смахивает на свободного богемного художника. Есть в нём что-то общее с Бодлером или Верленом, чей французский он иногда не без успеха передаёт по-русски.

Таких поэтов Ярославская земля ещё не дарила миру. А живёт Васильев в Борисоглебском, под стеной знаменитого монастыря. Место, как говорится, намоленное. И литературный ландшафт Борисоглебского небеден. Здесь и в окрестностях почти безвыездно проживают христианский писатель Щербаков и религиозный философ Тростников (один из них прислал мне недавно письмо, в котором порицает меня как демократа. А такой ли уж я злодей, если ещё шесть лет назад печатно призывал отказаться от механизмов формального равенства и передать власть лучшим?) Здесь родина писателя – депутата Грешневинова, когда-то автора очерков о людях родной земли, а вот новые вещи которого не всегда мне, честно говоря, радуют. Не знаю как теперь, а в прежние времена здесь часто бывал и губернаторский стипендиат, исторический беллетрист Замыслов. Наконец, здешнюю жизнь увековечила в своих ярких воспоминаниях покойная Антонина Мельник, и обожание у неё там часто соседствует с сатирой.

Васильев от многих из названных и неназванных лиц отличается своей полнейшей раскрепощённостью. Он – вне стандарта, вне рационалистической логики, ему чужды здравый смысл и трезвый стиль. Он не желает подчинить себя ни одной идее; Васильев вне всяких рамок. В нашем крае есть поэты – чиновники, поэты – газетчики, поэты – политики, поэты-книгоиздатели... Васильев относится к той ещё не выведшейся породе поэтов, чей статус раз и навсегда лишён какой бы то ни было определённости.

Что ему прописка, гражданство, время и место, если он сейчас и снова – один на один с мирозданием – решает вечные задачи человека? И стихи рождаются у него как естественная функция поэтического организма. Рождаются потоком, волной. Он издал то ли пять, то ли шесть своих сборников в Москве, Ярославле и Борисоглебском, и это не предел. Причём повторов в сборниках нет, каждый из них от начала до конца оригинален. А главное – каждый из них стал событием во внутреннем мире и опыте поэта, в диалоге с ним читателей. Стихи Васильева – это его непрерывный лирический дневник, его главной и почти единственный способ жить и выжить. Свобода покупается Васильевым дорого. Стихи – весомая плата за неё. Его муза меланхолична, элегична, хотя подчас в стихах ощутим и довольно упрямый задор. Мы познакомились ещё в советские годы, и тогда пафос васильевской лирики хорошо ложился на ситуацию исторического тупика, застойного беспросвета, в котором, казалось, суждено нам обретаться до гробовой доски. Времена изменились. Но Васильев остался прежним. Оказалось, что его долгая печаль имеет не социальный, а иной, бытийный, смысл. Это тоска человека, обделённого небом. Обречённого праху.

Характерно, что и любовный сюжет сопрягается здесь с мотивом утраты. Он пережит в воспоминании: «недолгой жизни славные денёчки...О, как воспоминания чисты! Лежишь у моря на песочке ты, песчинки вижу я на локоточке твоём чистейшем...»

Душа поэта всегда открыта новым впечатлениям, новым веяниям. Она, как чуткая мембрана, резонирует на голоса бытия. Одна из важнейших тем поэта – благодарение: «Наше время – со мною несродно. Низких истин постыдная тьма и дышать помешает свободно, и сведёт незаметно с ума. Но держусь я и выдержу, ибо так и принято жить на Руси. Тьма земная! Спасибо, спасибо! свет небесный! Спасибо, спаси...»

Васильев – беглец, беженец, ускользающий «от жизни». Мир его ловит, а он не ловится. Его попытки укорениться, пасть зерном в землю, прорасти – в целом безуспешны. Ибо связать себя с условиями конкретного существования, приземлиться – для него означает остыть, охладеть, смириться и состариться. Как-нибудь так: «Ничего не скажешь: бабье лето – ветер, дождь, и холод и тоска, мокрая листва, и песня спета, и тропа меж травами узка. Жёлуди тяжёлые по крыше часто и отчётливо стучат...Ну а сердце – сердце бьётся тише и ровней, чем двадцать лет назад». Сколько уныния в этих признаниях.

Я не знаю, чем возразить поэту, чья родина – небо. Может быть, ему стоит настойчивей поискать обломки треснувшей небесной сферы рядом, на земле? В его стихах есть внесистемная, бесплановая гармония. Однажды он написал так: «Врождённое чувство родимой земли не может остыть и не может пропасть (...) О нет, невозможно смотреть свысока: да вот оно поле. И речка, и лес...Но пусть пробуждают во мне облака врождённое чувство родимых небес». Поэтому закончим оптимистически: так держать, Константин Владимирович.

Газета «Северный край», 25 июля 1997 года.